

Чи Юцин быстро взвесил всё в уме и решил пока отложить неприятную тему.

Подавив тревогу и досаду, он придал лицу самое беззаботное выражение и бодрым шагом направился к рабочему столу. В его глазах плясали искры.

— Младший дядя! Что это у тебя там такое?

Дуань Цзинсянь только что закончил весьма неприятную беседу с братом. На душе было мутно и паршиво. До назначенного двенадцатичасового обеда оставалось ещё немного времени, поэтому он достал безделушку, которую всегда носил с собой.

Небольшая мягкая игрушка отлично помогала сбросить напряжение: пожмёшь её немного — и вроде отпускает. Раньше он регулярно носил её с собой на работу и забирал домой, но в последнее время оставлял в офисе.

Он рассчитывал по времени, но никак не ожидал, что Юцин придёт раньше. Когда юноша появился на пороге, Цзинсянь на мгновение растерялся, а спрятать вещь уже не успевал.

Юцин мгновенно оказался рядом.

Цзинсянь сжал ладонь за спиной и старался говорить как можно ровнее:

— Ничего особенного. Обед на столе, поешь пока, я скоро освобожусь.

Юцин наклонился к Цзинсяню, пытаясь заглянуть ему за спину.

— Зачем же спешить с обедом? Младший дядя, взгляни на меня. Мы ведь теперь живём под одной крышей, верно? Нам ли друг от друга таиться? Обещаю: что бы я ни увидел, никому не обмолвлюсь и словом. Пусть это станет нашим маленьким секретом. Только твоим и моим. Идёт?

Дуань Цзинсянь немного перевёл дух. От этой внезапной выходки Юцина весь его прежний сплин рассеялся сам собой.

Встретившись взглядом с сияющими глазами парня, он замешкался на секунду и лишь потом произнёс:

— Юцин, тебе не кажется, что ты говоришь со мной как с маленьким ребёнком?

— Нисколько, — с улыбкой возразил Юцин. — И вообще, не с маленьким, а с большим. Но главное — сработало ведь? Заставил я тебя улыбнуться?

Цзинсянь вздохнул. Пальцы, сжимавшие игрушку за спиной, уже затекли. Показать?.. В конце концов, а почему бы и нет.

Он прикусил губу, помедлил ещё секунду и признался:

— Сработало... Показать-то я могу, но...

Юцин внимательно всматривался в его лицо. Цзинсянь больше не выглядел таким натянутым, как струна, да и раздражение почти улеглось.

Юцин с готовностью поднял руку, будто давая клятву:

— Торжественно обещаю, что даже не усмехнусь! У каждого есть свои маленькие слабости, это совершенно нормально. А если ты готов довериться мне — я только рад. Кому открывают такие тайны, если не самым близким? Так что не переживай, я нем как могила. Поверь мне. Если хоть уголок губ дёрнется — наказывай как хочешь, всё приму.

«Какое уж тут наказание...» — промелькнуло у Цзинсяня.

Игрушка действительно выглядела чересчур детской. Гораздо более детской, чем тот плюшевый журавль, что лежал на кровати в его спальне. И ведь он притащил её прямо в кабинет!

Для человека с его репутацией это был не просто выход из образа, а самый настоящий крах безупречного фасада.

Впрочем, раздумывать дальше было бессмысленно. Поколебавшись ещё мгновение, Цзинсянь медленно вывел руку из-за спины и разжал пальцы.

Юцин не сводил взгляда с его ладони. Когда пальцы разомкнулись, показался кусочек мягкого чёрно-белого меха. Он с трудом подавил смешок, но в следующую секунду, осознав, что именно лежит на белой, чуть покрасневшей от сжатия ладони... всё-таки фыркнул.

Прости, прости, он правда не сдержался!

Это была крошечная панда.

От сильного сжатия кончики бледных пальцев Цзинсяня слегка порозовели, и эта милая деталюшка делала плюшевую панду ещё трогательнее.

Едва раздался этот смешок, Цзинсянь замер и тут же попытался спрятать руку обратно. Но

Юцин оказался быстрее — он подскочил и накрыл его ладонь своей, сжав вместе с игрушкой.

Цзинсянь попытался высвободить руку, но Юцин держал крепко. Пришлось смириться. Губы Дуаня сжались в тонкую линию, а кончики ушей мгновенно вспыхнули.

Он отвёл взгляд и тихо буркнул:

— Вот видишь... Самому же смешно. Глупость какая-то — мять игрушку, когда паршиво на душе. По-детски.

Юцин мгновенно стал серьёзным. Он присел на корточки возле кресла Цзинсяня, перехватил его ладонь с зажатым в ней плюшевым зверьком и, снизу вверх заглянув ему в глаза, мягко проговорил:

— Ничуть не глупо. И ни капли не смешно.

— Но ты ведь...

— Я посмеялся не потому, что считаю это глупым, — перебил Юцин. — Я просто не удержался! Крошечная панда — милая. Ты — милый. И эта твоя привычка — безумно милая. Когда всё это соединяется вместе, получается такой убойный заряд милоты, перед которым невозможно устоять. Я просто счастлив, что увидел тебя настоящего, того, которого никто больше не знает. И всё же я виноват. Обещал не смеяться и не сдержал слова. Наказывай, младший дядя. Я готов.

Цзинсянь внимательно выслушал его. В искренности Юцина сомнений не было — его слова звучали совершенно убедительно. Но... *милый*? К нему применима такая характеристика? Об этом он точно никогда не задумывался.

— Отпусти руку, — наконец промолвил Дуань.

Юцин и не думал отпускать. Он упёрся подбородком в подлокотник кресла и слегка потормошил их сцепленные ладони:

— Сначала скажи, как будешь меня наказывать?

Цзинсянь уже окончательно взял себя в руки. Посмотрев на Юцина, он строгим тоном произнёс:

— Слово «милый» ко мне не подходит. Впредь чтобы я такого не слышал.

Юцин лишь неопределённо промычал в ответ, склонив голову набок.

Цзинсянь вздохнул, понимая, что его протест проигнорировали, и взъерошил юноше шевелюру:

— Наказание такое: за обедом — ни слова. За столом молчат.

Юцин озабоченно нахмурился. Вот же задача... Поболтать во время еды было бы куда приятнее! Но делать нечего. Сам виноват, придётся подчиниться.

Он потянул Цзинсяня за руку, заставляя подняться. Свою игрушку тот аккуратно убрал в изящную шкатулку в выдвижном ящике стола. Глядя на это, Юцин невольно почувствовал укол ревности.

Как и тот журавль на кровати, эта панда явно была чьим-то давним подарком. Судя по потёртости меха, Цзинсянь пользовался ей много лет. С одной стороны, это говорило о том, сколько тяжести ему пришлось перенести в одиночку, с другой — о глубокой привязанности к вещи.

Юцин одновременно сочувствовал ему и досадовал.

Цзинсянь заметил этот пристальный, почти осязаемый взгляд, но объяснить ничего не мог. Ведь если бы он сказал правду... Юцин всё равно бы ничего не вспомнил.

Обед прошёл в абсолютной тишине со стороны Юцина. Он стойко держал обещание. Зато обычно молчаливый Цзинсянь вдруг стал невероятно разговорчивым!

То спросит, вкусно ли приготовлено, то поинтересуется рабочими делами, то зайдёт ли разговор о Фан Юане... И все вопросы сформулированы так, что достаточно просто кивнуть или качнуть головой.

«Надо же, какой заботливый! — иронично подумал Юцин. — И какой злопамятный!»

От этого Цзинсянь казался ещё более очаровательным.

Расправившись со своей порцией, Юцин поддел палочками рыбный шарик и поднёс его к губам Дуаня:

— Я закончил! Теперь можно говорить. Поскольку я провинился, то в качестве искупления буду кормить тебя с рук, чтобы ты мог отдохнуть.

Цзинсянь чуть не рассмеялся от его тона. Столько убедительных оправданий придумать на ходу!

Он не стал отказываться и принял угощение, после чего заметил:

— Говоришь, милый? По-моему, настоящий милашка здесь ты.

Юцина ничуть не задело это слово. Напротив! Если Цзинсянь считает его милым, значит, у него есть к нему чувства. Пусть пока не совсем те, о которых мечтает Юцин, но шаг за шагом... количество перейдёт в качество.

После обеда Цзинсянь предложил немного отдохнуть, но Юцин качнул головой и подвинул свой стул ближе, заглядывая ему прямо в глаза:

— Сон подождёт. Мне нужно кое-что сказать тебе. Это срочно.

Цзинсянь сразу понял, о чём пойдёт речь. Судя по времени, Юцин на входе наверняка пересекся с Дуань Минъюем. А эти двое никогда не могли разойтись миром.

— Ты про Минъюя? — опередил его Цзинсянь. — Юцин, он мой младший брат, это правда. Но ты мне так же дорог. Тебе не нужно оглядываться на него или сдерживаться. Я не стану принимать его сторону.

На самом деле его внутренние приоритеты сместились уже очень давно. Кровное родство далеко не всегда означает настоящую семью — Цзинсянь усвоил этот урок ещё в детстве, и с годами родители с братом лишь подтверждали эту истину.

Юцин кивнул. Внешне он оставался спокойным, но в душе бушевал настоящий шторм.

Он знал, что отношения братьев оставляют желать лучшего, как знал и то, что раньше Цзинсянь и прежний владелец этого тела тоже были на ножах. Но теперь Дуань Цзинсянь открыто говорит, что не станет защищать родного брата в ущерб Юцину.

Разве это не доказательство того, как сильно всё изменилось?

Если так пойдёт и дальше, то догнать и обнять свою «недостижимую луну» — вовсе не несбыточная мечта!

Голос Юцина невольно потеплел, в нём зазвучали радостные нотки:

— Я всё понимаю, младший дядя. Не волнуйся, в обиду я себя не дам. И что бы кто ни говорил

— пусть даже твои родные — мне всё равно. Я сужу о тебе только по твоим поступкам и очень ценю то, какой ты есть.

Слышать такую искреннюю поддержку было непривычно. У Цзинсяня даже защипало в глазах.

Он слегка улыбнулся, хотя улыбка вышла немного растерянной:

— Если бы кто-то другой услышал твои слова, то решил бы, что ты говоришь полную чушь.

— Да плевать мне на остальных, — легко отмахнулся Юцин, улыбаясь во весь рот. — Я же со всей ответственностью повторяю: я верю только своим глазам и чувствам. Ты прекрасный человек, и точка. А мнение остальных меня не волнует.

— Юцин...

Юцин смотрел прямо в глубокие, блестящие глаза Цзинсяня. Улыбка на его губах стала чуть более сдержанной, а тон — серьёзным:

— Я зову тебя младшим дядей, но кровными узами мы не связаны. И раз уж разговор зашёл так далеко, я скажу тебе ещё одну правду.

Он выдержал небольшую паузу.

— Ты мне не просто нравишься. Я восхищаюсь тобой. И я собираюсь за тобой ухаживать.

Цзинсянь замер.

В груди у него и так всё клокотало от сказанных ранее слов, но эта последняя фраза...

«Ухаживать»? В том самом смысле?.. В романтическом?!

<http://bllate.org/book/20021/1991461>